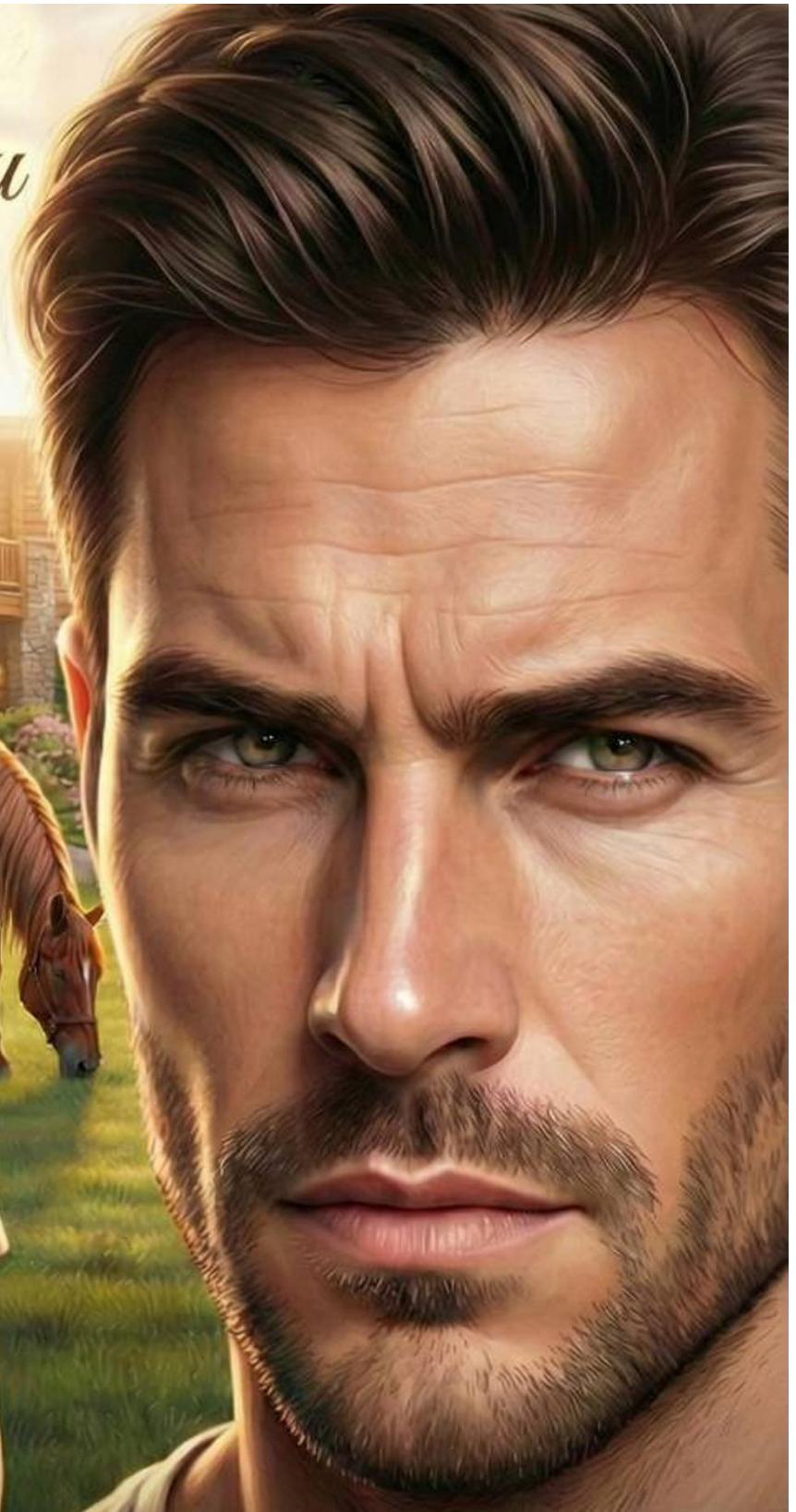

Ева Валетти

Сосед по даче –
катастрофа

Ева Валетти

Сосед по даче — катастрофа

«Автор»

2026

Валетти Е.

Сосед по даче — катастрофа / Е. Валетти — «Автор», 2026

После измены мужа я сбежала с сыном на старую дачу — лечить нервы тишиной и запахом сосен. Но покой закончился в тот момент, когда я узнала, кто живёт по соседству — мой главный кошмар детства, парень, который когда-то доводил меня до слёз. Теперь он косит траву в семь утра и доводит до безумия уже другим способом. Мы по-прежнему не можем друг друга терпеть... хотя наши ссоры всё чаще искрят и превращаются в опасно притягательный флирт.

© Валетти Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Аннотация:	5
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Сосед по даче — катастрофа

Аннотация:

После измены мужа я сбежала с сыном на старую дачу — лечить нервы тишиной и запахом сосен. Но покой закончился в тот момент, когда я узнала, кто живёт по соседству — мой главный кошмар детства, парень, который когда-то доводил меня до слёз. Теперь он косит траву в семь утра и доводит до безумия уже другим способом. Мы по-прежнему не можем друг друга терпеть... хотя наши ссоры всё чаще искрят и превращаются в опасно притягательный флирт.

Глава 1

Я стиснула зубы и в который раз надавила на газ. Старенькая машина, которую мне с барского плеча отдала мама после покупки новой, жалобно затряслась, но вперёд поползла. Пробка под Москвой была липкой и душной.

Два дня назад мне исполнилось двадцать семь. Я должна была сейчас лежать на пляже, как мы планировали ещё зимой: тёплый песок, коктейли с зонтиками, любящий муж... А вместо этого я толкалась в пробке, раздражённо отсчитывая каждый пройденный метр, пока мой благоверный — уже-почти-бывший супруг, скорее всего, нежилась под южным солнышком, наслаждаясь «новой жизнью» с моей заменой. Двадцатидвухлетней заменой, если быть точной. С идеальным прессом и без растяжек после родов.

— Мам, мы скоро приедем? У меня зарядка закончилась, — заныл Максим с заднего сиденья.

Мой девятилетний сын. Я родила его рано, и он с самого рождения был центром моей вселенной. Максим не искал шумных компаний — он предпочитал мир гаджетов, а в душе оставался мягким, мечтательным мальчиком. И сейчас он был единственной причиной, ради которой я должна собрать себя по кусочкам и начать новую жизнь.

— Скоро, Максик. Ты же знаешь, там связи почти нет. Придётся тебе переключиться на книжки. Или... на свежий воздух.

Он издал страдальческий вздох, выразив всё презрение современного ребёнка к дачной жизни.

— Надеюсь, там хотя бы... кто-нибудь будет.

— Там будет тихо, Макс. Очень тихо. Нам это сейчас нужно.

Мне это нужно. Очень нужна тишина.

Наконец, мы свернули с шоссе. Дорога мгновенно превратилась в разбитую грунтовку между старыми дачными кооперативами. Машина скрипела так, будто собиралась развалиться на запчасти прямо под нами.

По сторонам мелькали новые коттеджи с претенциозными заборами, а затем появился наш старый переулок среди остроконечных елей.

Сердце жглось от ностальгии. В детстве я проводила здесь много времени: мы с ребятами жгли костры, строили шалаши, плакали над разбитыми коленками. Никаких тебе гаджетов и интернета. Красота!

И здесь же я встретила свой первый — и самый невыносимый — кошмар. Игорь Соколов, сын соседей, на три года старше, высокий и наглый. Он самого первого дня считал своим долгом портить мне жизнь.

Я сбросила скорость. Наша дача выглядела точно так же, как в моих воспоминаниях: покосившийся деревянный домик с облупившейся краской, заросший участок, который мы с мамой так и не успели расчистить после смерти бабули, и старый дырявый забор, державшийся исключительно на честном слове.

Но рядом...

Да у меня просто челюсть отвисла!

На месте старой дачи Соколовых, где когда-то ютились три поколения их семьи, стоял современный двухэтажный дом из дорогого бруса с панорамными окнами и стильной террасой. Кажется, там даже плетёная мебель имелаась.

Идеальный газон, подстриженный под линейку, был огорожен низким дизайнерским забором (уж я-то могу определить, где дизайнер приложил руку), за которым виднелись два дорогих внедорожника — чёрный и серебристый. Здесь, в этой глуши, кипела жизнь, которая стоила целого состояния.

Я посмотрела на свой участок. Потом снова на соседский. Контраст был настолько разительным, что хотелось провалиться сквозь землю.

Заставив себя отвести взгляд от впечатляющего жилища, я заглушила мотор.

— Ну что, приехали, — пробормотала я. — Добро пожаловать в лесную сказку.

Максим мгновенно выскочил из машины, чтобы размять ноги.

— Только не отходи далеко! — привычно крикнула я, выбираясь из салона.

Я открыла багажник и прислонилась к машине, прикидывая, как лучше вытащить вещи.

Сзади со стороны соседского участка, послышался резкий нарастающий гул.

Я не успела среагировать.

В следующую секунду меня сбил с ног ледяной удар. Мощная струя воды прорвалась через открытые ворота и врезалась мне прямо в грудь, окатив с головы до ног. Я взвизгнула от неожиданности и в панике отпрыгнула в сторону, но было уже поздно.

Футболка мгновенно прилипла к телу. Волосы превратились в сосульки. Я стояла перед покосившейся калиткой, промокая насквозь, и дрожала от ярости.

Из-за забора послышался сдавленный звук — то ли смех, то ли кашель — и гул мойки высокого давления стих.

К воротам подошёл крупный загорелый мужчина в футболке-поло и брюках. На носу у него были солнцезащитные очки, которые он теперь неторопливо снял. Он выглядел так, будто только что сошёл с обложки журнала о самых успешных людях страны: широкие плечи, аккуратная борода, идеальная стрижка. Даже стоял он с какой-то раздражающей уверенностью.

Я, вся мокрая и жалкая, подняла на него глаза.

Он смотрел на меня. И медленно, очень медленно его губы тронула ленивая насмешливая улыбка.

Сердце ухнуло вниз.

Мне не нужно было смотреть на него дважды, чтобы узнать. Эта циничная ухмылка была той же самой, что и пятнадцать лет назад, когда он окатил меня водой из ведра на глазах у всех детей, а я, двенадцатилетняя дурочка, расплакалась и убежала.

— Игорь...

— Ты специально? — я едва сдержала дрожь в голосе.

Игорь Соколов неторопливо приблизился. В свои тридцать он выглядел как живая реклама жизни-мечты: холёный, уверенный, довольный собой.

— Мила, — его голос был низким и до отвращения довольным. Как будто встретились старые друзья. — Какими судьбами? Я думал, ваш... архитектурный памятник скоро снесут.

Он окинул взглядом мой дом, и я видела, как его губы дрогнули.

— Извини, — продолжил он, явно не извиняясь. — Напор слишком сильный, не рассчитал. Вода у нас артезианская, очень полезная. Считаю, что я сделал тебе бесплатную спа-процедуру.

Я сжала кулаки.

— Спа-процедуру? — переспросила я, стараясь не кричать. — Ты меня облил ледяной водой! Что, не наигрался в детстве?

— О, — он почесал подбородок, изображая глубокую задумчивость. — Ты про то лето? Я думал, ты уже выросла и забыла детские обиды. Но раз ты всё ещё помнишь... значит, произвело впечатление.

Его улыбка стала шире.

Я открыла рот, чтобы ответить что-то едкое, но тут раздалось громкое протяжное ржание.

Максим, который до этого замер у машины с открытым ртом, мгновенно очнулся. Он сунул телефон в карман и бросился к забору, его глаза расширились от чистого, незамутнённого восторга.

— Мама! Кто это?! — закричал он, вцепившись в ограду. — Это же кони?!

Игорь и я одновременно обернулись.

К невысокому забору подошли две лошади, привлечённые шумом. Невероятно красивые. Настоящие, великолепные, живые.

Максим замер как зачарованный.

Игорь взглянул на моего сына, и на его лице на мгновение промелькнуло что-то похожее на удивление. Затем он снова перевёл взгляд на меня — мокрую, злую и абсолютно беспомощную.

— Никогда бы не подумал, что у малявки из дома напротив есть ребёнок.

Я сжала челюсти.

— Сам ты... Иди к чёрту, Соколов.

Игорь окинул меня нечитаемым взглядом.

— Приходи в гости, малыш, — неожиданно сказал он моему сыну. — Я познакомлю тебя с лошадками.

Усмехнулся, развернулся и неторопливо направился вглубь своего идеального участка. За ним потянулись лошади.

Я же отправилась в свои заросли, мокрая, злая и уже жалеющая, что вообще сюда приехала.

Этот отпуск обещал стать самым тяжёлым в моей жизни. А Игорь Соколов даже спустя пятнадцать лет оставался моим личным кошмаром.

Только теперь этот кошмар выглядел... ужасно хорошо.

Что, конечно, всё только усугубляло.

Глава 2

Я вошла в дом, отправила сына в его комнату, а сама закрылась в своей, срывая с себя мокрую, прилипшую к телу футболку и швыряя её куда-то в темноту. Ледяная вода. В середине июля! Я стояла на старых скрипучих половицах старой бабушкиной спальни, вся дрожа, но не от холода, а от чистой, незамутнённой ярости. Он сделал это! Игорь Соколов, этот холёный, привлекательный наглец, снова, спустя столько лет, выбрал в качестве своего «фирменного приёма» обливание меня ледяной водой. И для меня неважно: случайно или намеренно.

Я быстро натянула сухие джинсы и толстовку, прикрывая руки, которые, казалось, всё ещё чувствовали влажный, холодный удар. Но стоило мне закрыть глаза, как я видела не струю воды, а его лицо — это медленное, циничное растягивание губ в насмешливой улыбке. Он ничуть не смутился, глядя на мою мокрую, жалкую фигуру, назвав это «бесплатной спа-процедурой». Я бы соврала, сказав, что ярость была моим единственным чувством. Где-то под ней, под грязью, прилетевшей с его газона, проснулось что-то давно забытое и совершенно неуместное — то самое ощущение жгучего, глупого влечения, которое сводило меня с ума ещё в подростковом возрасте, когда он был «моим персональным кошмаром».

— Мам, а сосед разрешит мне погладить коня? — раздался тихий голос из-за двери. — А у него ещё и собаки есть!

Я вздрогнула. Ох уж эта любовь Макса к животным. Столько времени он просил собаку, но муж категорически не позволял. Он говорил: «В моём доме этой вони никогда не будет».

Я открыла дверь. Макс стоял в старой гостиной, его лицо было прилеплено к грязному окну, выходящему на территорию Игоря. Мой сын-интроверт, который мог сутками сидеть в гаджетах, теперь не отрывался от забора, словно зачарованный. И даже забыл подключить к зарядке телефон и дохлый планшет.

— Макс, давай сразу — ты не приближаешься к чужим животным без разрешения, — отрезала я, прислонившись к дверному косяку.

— Но он же сам меня позвал! Он сказал: «Приходи в гости, малыш, я познакомлю тебя с лошадками». — Максим повернулся ко мне, и я увидела в его глазах такой чистый, такой интенсивный восторг, какой видела только тогда, когда он увлекался новой игрой.

Я была в тупике. Я приехала сюда за тишиной и спокойствием, чтобы лечить свои нервы после скандального развода. Но покой закончился в тот момент, когда я увидела Соколова. А теперь мой сын, единственный, кого я хотела защитить от всех проблем этого мира, нашёл свой абсолютный, непреодолимый интерес прямо за забором. Животные Игоря. Это был не просто интерес, это была одержимость. Я знала, что простое «нет» не сработает. Он либо сбежит к нему, либо будет чахнуть под моим контролем.

Застонав, я провела рукой по волосам. Я, дизайнер, привыкла решать проблемы логически и структурированно. Моя работа — это порядок, линии, цвет. А вокруг меня сейчас царил хаос: старый, облупившийся дом, отсутствие нормального интернета и, главное, Игорь Соколов, который, судя по всему, собирался играть на самых тонких струнах моей материнской души.

Я должна была действовать. И действовать немедленно. Я должна пойти к нему и установить правила игры. Железные. Потому что я не собиралась терпеть хамство, а Макс не должен был пострадать.

Надо было идти к нему и решать. Цена мира в этом отпуске, как я поняла, была очень высока: мне придётся общаться со своим главным врагом.

Я присела на старое кресло-качалку, которое ещё помнило бабушку, и почувствовала, как парю. Не от вдохновения, а от кипящего внутри меня решения.

— Хорошо, Макс, — выдохнула я, поднимаясь. — Я поговорю с соседом. Только у меня есть условие. Очень строгое. Ты ни шагу не сделаешь один на чужой участок. Ни шагу. Понял?

— Понял, — тут же откликнулся он, хотя, кажется, не очень вник в суть.

— Мы идём туда вместе. И не сейчас, а когда я буду готова. Мы идём, чтобы поговорить с хозяином и узнать, можно ли погладить лошадь и поиграть с собакой. Они могут быть опасны.

Он закивал с такой серьёзностью, что я почти ему поверила. И я знала: если откажусь, Максим сам пролезет под забором, а если что-то случится, Игорь просто разведёт руками.

— Сиди, жди, — скомандовала я Максиму, который уже начал натягивать кроссовки. — Сначала мне нужно поговорить с ним наедине.

Дорожка к Игорю была короткой, но сейчас она превратилась для меня в самое длинное путешествие этого лета.

Слева — мои заросли, хаос, сорняки. Справа — его идеальный, стриженный, как бархат, газон. Идеальная метафора наших жизней.

Я прошла через наш полуразрушенный забор, далее — небольшая дорога, где способна поместиться только одна машина и оказалась на его территории. Ворота всё ещё были распахнуты.

Игорь стоял спиной ко мне, сосредоточенно склонившись над каким-то приспособлением. Он был без рубашки. Я увидела мощную, рельефную спину, загорелую, с широкими плечами. Его тело было таким же безупречным и дорогим, как и всё, что его окружало. У меня перехватило дыхание, и я мгновенно почувствовала, что моя футболка стала слишком тесной.

Я откашлялась, чтобы привлечь его внимание, и тут же пожалела об этом.

— Игорь! — произнесла я, стараясь говорить твёрдо. — Нам нужно поговорить.

Игорь медленно выпрямился. Его движения были грациозны и выверены, как у хищника, который неторопливо готовится к броску. Без рубашки он казался ещё крупнее. Он взял с табурета полотенце, не спеша обмотал его вокруг шеи и только потом повернулся ко мне.

— Мила, — сказал он сухо. — Снова ты. Надеюсь, на этот раз ты пришла не жаловаться?

Я представила, как беру вилы из дедушкиного сарая, и они остервенело вгрызаются в идеальный газон соседа.

— Я пришла не жаловаться, Игорь, — мой голос был твёрд, как я и планировала. — Ты сам виноват, что видишь меня сейчас. Зачем только позвал его погладить лошадку? Теперь он только об этом и говорит. Я хочу, чтобы он держался от тебя подальше, но это, видимо, невозможно. А ещё он увидел собак в окно. Если бы ты позволил ему иногда приходить... Но ведь нужно внимательно следить за его безопасностью...

И всё-таки я забуксовала, и уверенный голос превратился в настоящий лепет. Сделала глубокий вдох.

Игорь скрестил мощные руки на груди, и его взгляд стал откровенно циничным.

— Иными словами, ты хочешь, чтобы я стал нянькой для твоего сына? У меня бизнес, Мила. Я управляю им удалённо, и работы более чем хватает. У меня нет времени на детские игры. Я не собираюсь тратить своё время на то, чтобы заменить тебя. Так что, если хочешь, чтобы сын навещал лошадей или собак, приходи вместе с ним.

— Я не прошу тебя тратить время, — тут же парировала я, не дав ему закончить. — Ты сам его пригласил, когда я была вся мокрая и не тебя остановить. Я прошу лишь об одном: установи для него правила. Меня он не слушает. Разреши ему приходить совсем ненадолго и в чётко оговорённое время. Ты дашь ему морковку, покажешь, как погладить, и отправишь домой. Также и с собаками.

Я видела, как его лицо, напряжённое от раздражения, внезапно смягчилось. Он перевёл взгляд на мой старый, покосившийся дом и, наконец, вернулся ко мне. В его серых глазах мелькнуло что-то похожее на усталость или, к моему ужасу, что-то вроде жалости.

— Я приглашал разок заглянуть в гости. Ладно, — выдохнул он. — Договорились. Пусть приходит ровно в шесть вечера. Не раньше и не позже. Это займёт минут десять. Только никаких криков, визга. И ты приходишь с ним, чтобы контролировать.

— Ровно в шесть. Десять минут, — повторила я, кивая. — Спасибо, Соколов.

Я развернулась и пошла обратно, стараясь сохранить горделивую осанку, пока не добралась до своей веранды. Оказавшись на скрипучих, некрашенных ступенях, я опустилась на них, чувствуя, как ослабели колени. Мой взгляд скользнул к его дому — идеальному, дорогому, недостижимому.

Внезапно я поняла, что не могу терпеть эту веранду, которая выглядела так жалко на фоне его дома. Я должна что-то с этим сделать. И быстро. Иначе этот «ужас» сведёт меня с ума.

Глава 3

Игорь

Я смотрел ей вслед.

Мила Мельникова.

Ядовито-зелёная толстовка, в которую она переделалась, скрывала то, что так удачно подчеркнула мокрая футболка, но я всё равно видел.

Двенадцать лет. Ей было двенадцать, когда я облил её из ведра. Тогда она была долговязой, неуклюжей пигалицей с брекетами и вечной обидой на лице. А теперь...

Я провёл рукой по мокрой шее, сжимая полотенце. Теперь ей было двадцать семь, и она...

С мокрыми волосами, прилипшими к лицу, и взглядом, в котором ярости было столько же, сколько паники. Она всё ещё злилась на меня из-за прошлого.

Я усмехнулся.

Она бесила меня. Сам факт её присутствия здесь, в моём мире, который я выстраивал годами, нарушал весь баланс. Её старый, разваливающийся дом — как бельмо на глазу рядом с моим. Её хаос против моего порядка.

Я приехал сюда не для того, чтобы нянчиться с соседями. Я управлял бизнесом прямо из этого дома, и мне нужна была тишина.

А мальчишка...

Я бросил взгляд на их участок. Станный парень. Заторможенный, слишком вежливый, но глаза — умные. Испуганные. Когда он увидел лошадей, он будто ожил.

Десять минут шестого. Я вздохнул. Ладно, переживу.

Я вернулся к мойке, которую бросил, когда она появилась. Нужно было закончить с машиной и идти в мастерскую. Пока было время, можно было немного помастерить.

Мила

Я закрыла глаза и попыталась сосредоточиться.

Рабочий ноутбук стоял на старом кухонном столе. Скрипучий стул, и тишина, которая давила. Мне нужно было погрузиться в проект — дизайн-концепцию загородного спа-комплекса. Ирония. Я сидела в развалинах, пытаюсь создать роскошь для других.

Я старалась поймать линию, подобрать референсы, но всё, что видела — его загорелую спину, идеальный газон и воду...

Тишина.

Я застыла. Слишком тихо.

— Макс? — позвала я.

Вскочила, опрокинув стул. В его комнате было пусто. Планшет лежал на кровати. Окно, выходящее на участок Игоря, распахнуто настежь.

Сердце пропустило удар.

Мой первый день «спокойного» отпуска начался с того, что я потеряла сына.

— Максим! — закричала я, выбегая на веранду.

Ни звука.

Я бросилась через калитку, не разбирая дороги.

Игорь

Я провёл пальцем по идеальной кромке красного дерева. Будущий стол для кабинета — тонкая работа. Здесь, в моей мастерской, пахло лаком и стружкой. Это было моё святилище.

Огромный мейн-кун по кличке Барон — спал на мешках с опилками, не обращая на меня внимания.

Этот запах, покой были единственным, что удерживало меня в равновесии, когда уда-
лёнка высасывала мозг.

— Ого...

Я вздрогнул. Резец соскользнул на миллиметр. Я чертыхнулся и резко обернулся.

На пороге стоял мелкий. Максим.

Он смотрел не на меня — на станок, на заготовки, на стеллажи с инструментами. Его
глаза горели.

— Какого чёрта? — рыкнул я, откладывая инструмент. — Я же сказал...

— Вы это сами сделали? — прошептал он, делая шаг внутрь. — Это... это как в игре.

Где крафтят.

Он не боялся меня. Он боялся пропустить что-то.

— Я сказал, в шесть, — повторил я жёстко. — С мамой.

— Она работает, — пожал он плечами, не отрывая взгляда от верстака. — Ей нельзя
мешать. А я просто посмотрел. У вас тут... круто.

Он подошёл ближе.

— А зачем вы... — он ткнул пальцем в почти готовый фасад ящика с инкрустацией. —
Зачем так сложно?

— Потому что это красиво, — ответил я, сам удивившись, что вообще ответил.

— Мама тоже делает красивые вещи. Она дизайнер. Только на компьютере. А вы —
руками.

Он замолчал, а потом вдруг выдал:

— Мы тут, потому что папа нашёл другую тётю. Мама сказала, ей надо... перезагрузиться.

Я застыл. Вот оно что. Не просто дачный отдых. Побег.

Маленькая, злая, мокрая Мила... сбежала.

Я посмотрел на пацана. Он не ныл — просто констатировал факт. И смотрел на мой
резец.

И в этот момент в мастерскую влетела она.

Мила

Я нашла его.

Сердце колотилось где-то в горле. Я обежала конюшню, заглянула в вольер к собакам
— двум огромным овчаркам, которые, к счастью, меня просто обнюхали. Увидела клетку с
гигантским чёрным кроликом у сарая и уже была готова умереть от страха прямо в этом зоо-
парке.

А Макс стоял в огромном, похожем на ангар, помещении, полном каких-то страшных
пил и станков. И восхищённо смотрел на Игоря.

А Игорь — всё в тех же брюках, но снова без рубашки — смотрел на него.

— Максим!

Оба вздрогнули.

— Мама?

— Ты с ума сошёл! — у меня сорвался голос. — Я тебе что сказала? Ни шагу! Я чуть
не поседела!

Я схватила его за руку.

— А ты! — повернулась я к Игорю, и вся моя паника мгновенно переродилась в ярость.
— Он же ребёнок! Он пришёл на твою территорию, полную опасных инструментов! Почему
ты сразу не отвёл его обратно?

Игорь медленно вытер руки ветошью. Его взгляд из задумчивого снова стал ледяным.

— Во-первых, — сказал он тихо, и от этого шёпота у меня побежали мурашки по коже,
— следить за своим ребёнком — твоя работа. Не моя. Я не нянька.

Я открыла рот, чтобы возразить.

— Во-вторых, — он сделал шаг к нам, и я невольно потянула Макса за себя, — мы договаривались. Ровно в шесть. На десять минут. Под твоим присмотром. Который час, Мила?

Я сжала зубы. Он был прав.

— Он... он просто...

— Он просто сбежал, потому что ему скучно, — закончил Игорь. Он посмотрел поверх моей головы на Максима. — А ты, — кивнул он в мою сторону, — очевидно, не справляешься.

Это был удар ниже пояса.

— Не смей...

— Мам, не надо, — тихо потянул меня за руку Макс. — Я сам пришёл. Я просто... тут так...

Игорь посмотрел на бледное лицо Макса, и его собственный взгляд чуть потеплел. Или мне показалось.

Он вздохнул — тяжело, шумно.

— Ладно. Вижу, «тихая жизнь» летит к чертям. У меня предложение.

Я подозрительно прищурилась.

— Твоему сыну, — он кивнул на Макса, — явно не хватает дела. А мне не нужны мелкие шпионы, шатающиеся по мастерской, пока я работаю со станком.

Он присел на корточки перед Максимом. Огромный кот тут же подошёл и потёрся о его плечо.

— Хочешь научиться делать что-то руками? По-настоящему?

Макс кивнул, не в силах вымолвить ни слова.

— Я научу тебя делать шкатулку. Из настоящего дерева. Но, — он поднял палец, — есть правила. Ты приходишь сюда только тогда, когда я зову. И делаешь только то, что я говорю. Инструменты без меня не трогаешь. Договорились?

— Да! — выдохнул Макс.

Игорь поднялся и посмотрел на меня. Победоносно. Цинично.

— А ты, Мила, — процедил он, — перестаёшь бегать перед моим носом и кричать. Идёт?

Я стояла, раздавленная. Он только что решил мою проблему. Взял моего сына в заложники всех своих хобби. И сделал это так, что я ещё и осталась ему должна.

— Идёт, — выдохнула я.

— Вот и славно, — усмехнулся он. — Урок завтра. А сейчас — шесть вечера. Пойдём, Макс. Познакомлю тебя с лошадьми. Как и обещал. Десять минут.

Он прошёл мимо меня, и я почувствовала запах дорогого парфюма, смешанный с ароматом древесной пыли.

Я плелась за ними, ненавидя его. И немного... восхищаясь.

Глава 4

Те десять минут у конюшни стали пыткой для меня. Макс смотрел на Игоря так, будто тот был не моим врагом, а супергероем, показывающим ему грифонов. Сын светился от счастья. Игорь, к моему ужасу, был с ним... спокоен. Даже терпелив. А я просто стояла рядом, как бедная родственница, которой разрешили посмотреть на чужой праздник.

Вечером Макс не мог уснуть, всё перечисляя, что он узнал о лошадях. Я же, наоборот, провалилась в тяжёлый сон, как только моя голова коснулась подушки, измотанная дорогой, скандалом и этим невыносимым контрастом между нашими жизнями.

Утром я проснулась не от пения птиц.

Это было бы слишком просто. Слишком... нормально для самого дурацкого этапа моей жизни.

Я проснулась от рёва. Резкого, механического, жужжащего звука, который, казалось, вибрировал в самых стенах моего старого, покосившегося дома.

Семь утра.

Я, даже не открывая глаз, уже понимала, кто это.

Соколов.

Я всё-таки заставила себя сползти со скрипучего дивана, который служил мне кроватью, и подошла к окну. Так и есть.

Он. Во плоти. В модных спортивных шортах и серой футболке, идеально обтягивающей его... идеальные плечи. Игорь неторопливо вышагивал по газону, который и без того уже походил на бархатное покрытие для гольфа. А в руках у него редела адская машина. Газонокосилка.

Ну, конечно. Мой главный кошмар детства нашёл новый способ доводить меня до безумия. Пятнадцать лет назад это были вёдра с водой и дурацкие шуточки. Теперь, когда мы выросли, методы стали изощрённее. Он косил траву в семь утра и просто лишал меня сна.

Я сбежала сюда лечить нервы тишиной. Ага. Вместо этого получила персональный будильник с ручным управлением. Жаль только, управляла им не я.

Я прижалась лбом к пыльному стеклу, наблюдая, как он с раздражающей сосредоточенностью ведёт свою машину. Идеально ровно.

Этот отпуск будет не просто тяжёлым. Он будет невыносимым.

Когда рёв газонокосилки, наконец, стих, я умылась и открыла ноутбук прямо на старом кухонном столе, который ещё помнил бабушкины пироги. Мой проект — дизайн-концепция элитного спа-комплекса — смотрелся здесь, среди облупившихся стен, как очередное издевательство.

Я, дизайнер, чья работа — создавать порядок, линии и гармонию, сидела в эпицентре хаоса.

Интернет, как и предсказывал Макс, был почти мёртв. Каждая фотография-референс с идеальными интерьерами грузилась по пять минут.

Плюнув на это дело, я решила заняться порядком физическим. Начала оттирать вековую пыль с тёмного серванта, и руки сами наткнулись на старую коробку с фотографиями.

Вот она, моя дачная жизнь: я, двенадцатилетняя с жуткими брекетами, шурюсь от солнца. А вот... он. Игорь, уже тогда высокий и наглый, смотрит прямо в объектив. Я раздражённо захлопнула крышку.

Максим, отбыв повинность в виде завтрака, снова погрузился в гаджеты. Я знала, что он просто тянет время, тоскливо ожидая вечера. Ждёт своего «урока» у Игоря. Ждёт лошадей. И этот факт бесил меня едва ли не больше, чем ранний подъём.

Тишину разорвал громкий, залиvistый лай.

Я снова подошла к тому самому окну, которое уже превращалось в мой личный наблюдательный пункт за чужой, идеальной жизнью. На газоне Игоря резвились две собаки.

Одна — молодой, мускулистый, чёрный как смоль пёс, которого я, кажется, видела и вчера. Он носился кругами, полный энергии, и лаял даже просто на воздух. Вторая — старый золотистый ретривер, который еле брел следом, глядя на молодого с явным собачьим презрением.

И, разумеется, собаки без присмотра. У Игоря же бизнес. Ему некогда следить за своим... зоопарком.

Я прищурилась, ища хозяина. Игорь нашёлся. Он стоял на своей шикарной террасе и орал в телефон. Я не слышала слов, но видела, как напряжена его спина и как он яростно жестикулирует. Очевидно, рабочий звонок, и он был в ярости. Он был полностью поглощён разговором.

И в этот самый момент, пока хозяин «империи» решал свои вопросы, на идеальный газон робко шагнул чужой кот. Рыжий, тощий, явно местный бродяга.

Чёрный пёс, который до этого просто носился, замер. Его лай мгновенно сменился с игрового на низкий, агрессивный рык. Я увидела, как он дёрнулся.

А затем...

Чёрная молния сорвалась с места.

Рыжий кот взвыл, шерсть на нём встала дыбом. Он заметался по газону, не понимая, куда бежать от несущейся на него смерти.

Это было как цепная реакция. Огромный мейн-кун Игоря, Барон, которого я видела вчера в мастерской, и ещё один, сиамский, пулей взлетели на ближайшую сосну, шипя уже на пса. В дальнем загоне, который я едва видела, нервно заржали лошади, и послышался стук копыт. Даже кролик, клетку которого я заметила вчера у сарая, забился в дальний угол.

Это не участок, это зверинец какой-то. И сейчас прямо у меня на глазах случится катастрофа.

— Мама! — Я обернулась. Макс уже стоял у окна. — Мама, что делать? Он его съест!

В его голосе был настоящий ужас.

Игорь, кажется, всё ещё был на телефоне, он повернулся спиной к происходящему.

Вот я попала!

Я не думала. Тело среагировало раньше, чем мозг успел взвесить за и против.

Я сорвалась с места. Распахнула старую дверь веранды, которая жалобно скрипнула, пронеслась через заросли крапивы, не разбирая дороги, и влетела на территорию Игоря.

— Фу! Нельзя! — закричала я, бросаясь прямо наперерез собаке. Я просто вклинилась между чёрным псом и орущим рыжим котом, отчаянно взмахнув руками.

Мой крик и внезапное появление на миг сбили собаку с толку. Пёс резко затормозил, озадаченно клацнув зубами в воздухе.

Этой самой секунды хватило. Рыжий кот, не теряя времени даром, пулей шмыгнул под спасительную террасу дома.

А я... я не успела затормозить.

Мои старые кроссовки предательски скользнули по идеально гладкому, ещё влажному от утренней росы газону. Я почувствовала резкую, пронзившую лодыжку боль — нога подвернулась.

Я рухнула на траву со всего размаху.

Удар был жёстким. Я приземлилась прямо на колени, и тут же кожу будто огнём опалило. Точно, как в детстве, когда я плакала над разбитыми коленками. Только сейчас мне было не столько больно, сколько невыносимо, до тошноты стыдно.

Лай стих.

В наступившей оглушительной тишине я услышала шумное пыхтение. Пёс, уже совершенно успокоившись, подошёл ко мне и с любопытством ткнулся мокрым, холодным носом прямо в щёку.

— Уйди, бесовестный, — прошипела я сквозь зубы, отталкивая его тяжёлую, слюнявую голову.

Тяжёлые, быстрые шаги по траве.

— Жук! А ну, брысь отсюда!

Я заставила себя поднять голову.

Надо мной, отбрасывая тень, стоял Игорь. Телефон был опущен и безвольно висел в руке. А на лице — я никогда не видела у него такого выражения — застыл абсолютный, чистый шок.

Он молча смотрел на меня: растрёпанную, грязную, с сочащейся кровью на колене, валяющуюся, как мешок с мусором, посреди его идеального, выстраданного газона.

Глава 5

Игорь

Телефон в кармане брюк прекратил вибрировать. Я только что сбросил звонок моего регионального директора, который умудрился слить семизначный контракт из-за своей тупости. В ушах всё ещё гудело от ярости.

Этот рёв смешивался с другим хаосом. С верхней ветки старой сосны злобно шипели мои коты, Барон и Сиам, загнанные туда Жуком. В конюшне нервно били копытами и ржали лошади — они ненавидели панику.

Весь мой мир, выстроенный по миллиметру, настроенный на тишину и порядок, взорвался какофонией.

Но я не смотрел ни на котов, ни в сторону конюшни. Я смотрел на источник всего этого. На неё.

Она валялась на моём газоне.

Не сидела, не стояла. Валялась. Растрёпанная, волосы прилипли к лицу, на спортивных штанах — грязь.

Шок, который я испытал секунду назад, видя её падение, мгновенно испарился. Он уступил место чистой злости.

Я сбежал сюда из Москвы, управляю бизнесом из этого дома именно для того, чтобы не видеть хаоса. Не видеть чужих проблем, чужой грязи, чужих неконтролируемых эмоций. Я выстроил настоящую крепость. А эта женщина — живое воплощение всего, что я терпеть не мог. Она и её разваливающийся дом... Никакого порядка. Но такая красивая, особенно сейчас лёжа на траве...

— Какого чёрта, Мельникова?! — рявкнул я. — Что ты делаешь на моей территории?! Я предупреждал!

Жук, уже успокоившись, радостно вилял хвостом и снова ткнулся ей в лицо.

— Жук! Ко мне! — приказал я, не глядя на пса.

Она прошипела что-то сквозь зубы и с трудом села, опираясь на руки. Лицо бледное, искажённое болью. Но глаза... В них горела такая же ярость, как и у меня.

— Твоя собака! — выкрикнула она, и её голос сорвался. Она дрожащей рукой указала под террасу, куда шмыгнул рыжий бродяга. — Он чуть не разорвал кота! Ты не контролируешь свой зоопарк!

«Не контролирую?»

Бровь медленно поползла вверх.

Я контролировал всё. Каждую травинку, каждый отчёт, каждый вдох и выдох. Я шагнул к ней. Я готов лично вывести её отсюда. Плевать, что это не гостеприимно. Она нарушила границу. Оскорбила меня.

Я открыл рот, чтобы приказать ей убраться, и... замер.

Мой взгляд сфокусировался.

Это была не просто грязь. Ярко-красное. На её левом колене, где штанина порвалась, густо сочилась кровь. Она капала на траву. На мою идеальную, стриженую, выстраданную траву.

Желудок сжался.

И в этот же миг боковым зрением я уловил движение у её окна.

Максим.

Мальчишка не просто смотрел. Он прижался лицом к пыльному стеклу, бледный, как полотно, с огромными от ужаса глазами. Он смотрел не на мать, а на меня.

Замерев, он явно ждал, что я сделаю. Что я... накричу на неё? Или даже ударю?.. Но... как... И пусть я никогда не бил женщин, да мне это даже в голову не приходило, но в этот момент я почувствовал жуткий стыд.

Чёрт.

Этот детский, животный ужас меня просто уничтожил.

Сама же Мила просто... застыла. Превратилась в тяжёлый, холодный лёд.

Ситуацию нужно было срочно взять под контроль.

Я отвернулся от соседки. Посмотрел на Жука, который виновато семенит рядом. Я не стал кричать. Кричат те, кто теряет контроль.

— Место.

Одно тихое, твёрдое слово. Пёс тут же лёг на траву, опустив голову на лапы.

Я снова перевёл взгляд на неё. Она пыталась встать, опираясь на одну руку, и морщилась.

— Во-первых, это не мой кот, — отрезал я. Голос звучал ровно, безэмоционально. — Во-вторых, Жук бы его не разорвал. Он... сложный.

Она уставилась на меня, не понимая. Я ненавидел объяснять или оправдываться. Я ненавидел пускать кого-то в свой мир.

— Обе собаки из приюта, — бросил я, глядя на её окровавленное колено. — Матрёну я забрал, когда она умирала от голода. Жук провёл свой первый год жизни на двухметровой цепи, его везли на усыпление.

Зачем я ей это говорил?

— Они не агрессивные, — я стиснул зубы. — Они «особенные». Они не понимают нюансов. Понимают только твёрдость и порядок. И не терпят хаоса. — Я многозначительно посмотрел прямо на неё. — Как и я.

Она, наконец, встала. Встала и тут же покачнулась, охнув. Лодыжка.

Великолепно.

Выглядела Мила жалко. И меня это бесило ещё больше. Она стояла на моём газоне, раненая, растрёпанная, и портила всё одним своим видом. Кровь на траве. Хаос.

Я больше не мог на это смотреть. Мне нужно было, чтобы она исчезла. Немедленно.

Против воли, просто чтобы закончить этот цирк, я протянул ей руку.

— Идём, Мельникова. Ты мне газон пачкаешь.

Это вырвалось само. Классический я. Помощь, завернутая в оскорбление.

Она замерла. Подняла на меня взгляд. В нём было столько чистой, незамутнённой ненависти, что я почти почувствовал её физически. Она посмотрела на мою протянутую руку, как на змею.

А потом, стиснув зубы до скрипа, проигнорировала её.

Она сделала шаг, опираясь на здоровую ногу. Захромала, но пошла сама. Мимо меня, к своему участку. Каждый шаг явно отдавался болью, но она даже не пискнула. Гордая.

Всегда такой была, чем до одури меня злила.

Я смотрел ей вслед, пока она не скрылась в зарослях крапивы.

Моя рука так и осталась висеть в воздухе.

Я медленно опустил её, сжимая в кулак. На идеальной зелёной траве, там, где она упала, осталось маленькое тёмное, влажное пятно.

Чёртова девчонка.

Она не просто нарушила границу. Она пробила мою оборону и оставила след.

Глава 6

Мила

Я захлопнула калитку, и только тогда адреналин, гнавший меня сквозь заросли крапивы, наконец отступил. На смену ему пришла боль.

Тупая и ноющая — в лодыжке, которую я, кажется, серьёзно подвернула. И острая, огненная — в колене. Я кое-как доковыляла до веранды и рухнула на скрипучую ступеньку, не в силах сделать шаг до дома.

Я только что валялась на его идеальном газоне. Растрёпанная, жалкая, с сочащейся кровью. Унизительно. До тошноты.

— Мама! — Макс выскочил на веранду, его лицо побелело. — У тебя кровь!

— Всё в порядке, Максик, — прошипела я, пытаюсь отдышаться. — Просто упала. Ерунда.

Я попыталась подняться, но нога не слушалась.

В этот момент наша гнилая калитка протяжно заскрипела.

Сердце ухнуло.

На моём участке стоял Игорь Соколов. Он даже не сомневался, что ему разрешат войти. Контраст между ним — холеным, дорогим, даже в спортивной одежде — и моей разваливающейся дачей был вопиющим.

В его руке — большой бокс. Аптечка.

— Уходи, — сказала я. Голос сорвался.

Он посмотрел не на меня. Его взгляд упал на Макса, который прятался за моей спиной. Тот самый испуганный взгляд.

— Не спорь, — холодно бросил Игорь. — Твой сын смотрит.

— Я не просила тебя о помощи.

— И что? — отрезал он. — Ты истекаешь кровью на глазах у ребёнка. Двигайся, Мельникова.

Он просто шагнул мимо и вошёл в дом, ожидая, что я пойду следом. И я пошла. С трудом поднявшись, доковыляла в дом. Не оставлять же его там одного.

Игорь окинул взглядом нашу кухню, и я увидела, как дёрнулся его желвак.

— Сядь.

Это был приказ.

Сама не знаю почему, но я тут же опустилась на скрипучий стул. Он, не говоря ни слова, встал передо мной на одно колено.

Как в кино. Только это было не предложение руки и сердца, а констатация моего полного фиаско.

Он открыл стерильный бокс. Я видела только его тёмные волосы и широкие плечи. Молча взял ватный диск, щедро смочил его чем-то из флакона и прижал к моему разбитому колену.

Я зашипела и вцепилась в сиденье. Жгло невыносимо.

Он работал быстро, чётко.

Закончив с коленом, Игорь, не поднимая головы, перевёл взгляд ниже. На мою лодыжку, которая на глазах превращалась в уродливую синюю подушку.

— Похоже, ты её подвернула, — констатировал он мрачно.

Прежде чем я успела среагировать, его пальцы сомкнулись на щиколотке.

Это прикосновение уже гораздо меньше походило на лечение.

Его хватка была крепкой, а рука — горячей. Он не просто держал, он ощупывал ногу. Сильные пальцы, привыкшие к дереву, теперь изучали кожу, косточки, сухожилия.

Меня прошибло током.

Воздух в лёгких закончился. Это было невыносимо. Слишком интимно. Слишком...

Я резко выдохнула.

Он замер, но руку не убрал. И медленно, очень медленно, поднял на меня глаза.

Игорь всё также стоял на одном колене. Его рука сжимала мою лодыжку. Взгляд был тяжёлым, изучающим. И совершенно непонятным.

Мы смотрели друг на друга в оглушительной тишине.

— Отпусти меня, Соколов, — прошептала я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.